

Лермонтов М Ю

ВН 1984

Моск. романтический, 1984, Весна

ТАЙНА ВСЕХ СОВПАДЕНИЙ

В СРЕДУ, 19 сентября, в 12.50 о великом русском поэте М. Ю. Лермонтове, обещала нам программа, расскажет писатель Юрий Нагибин.

Великие люди, цитирует автор передачи А. Морюа, отличаются от нас с вами только тем, что они великие, а в остальном все так же. Цитата иронична и лукава: Ю. Нагибин лучше многих знает несравненное тяготение великих. Последние годы они неотрывно занимают его внимание, писательское и просто житейское. И слова смелого француза призваны смирить, утишить волнение, с каким к великим приближаешься.

В рассказе писателя много точечных сюжетов, которые, кажется, хотя и являются настоящими литературными рассказами, а пока намечают эту возможность. В Тарханах вдруг проносится история старинной домашней постановки «Гамлета», после которой гибнет муж помещицы; тут есть любовь, неверность, ревность, обида, скорбь. Еще далеко до рождения маленького внука героев, но климат дома уже складывается.

Теперь очередь Марии Михайловны, опять любовь, неверность, ранняя гибель, ревность матери, разрыв ее с зятем — и как многое, оказывается, уже задано, определено в судьбе мальчика. «Ангел», по словам Б. Пастернака, лучшее в мире стихотворение. Оно — о песне матери, которую невозможно вспомнить, невозможно забыть. «Ужасная судьба отца и сына — жить разрозно и в разлуке умереть» — так следующие страницы этой истории пересказаны в стихах.

Реалии великой и краткой жизни поэта, собранные, например, в недавней «Лермонтовской энциклопедии», появляются здесь из особой стихии нашего предвзвешенного, предчувствия, угадывания, стихии, которая, наконец, лучше всего оформляется художественной прозой.

Один раз Шекспир уже промелькнул. А вот и другой. Королю Малькому в борьбе против узурпатора Макбета помог Томас Стихотворец, ставший за это владельцем земли Лермонт. (Интересно, существует ли генетическое предрасположение к поэзии? Особенно интересно, если принять во внимание, что кровь Томаса Стихотворца струилась и в жилах лорда Байрона, об этом сверхдальнем родстве русский поэт не знал).

МЫ КАК БУДТО видим лучи, пронизывающие всю мировую культуру, они скрещиваются здесь, над Тарханами, и уходят в будущее. О Пастернаке мы слышали. А дальше Ю. Нагибин нахо-

ПРЕМЬЕРА

дит интересную формулу «другой шинели». Речь идет о фразе, приписываемой Достоевскому: «Все мы вышли из гоголевской «Шинели». Так вот, герои Льва Толстого куда более зависимы от армейской шинели Максима Максимовича — начнем их список хоть с капитана Тушина и Жилина, который «Кавказский пленник».

А «Валерик» оказал огромное влияние на всю отечественную батальстику, от Льва Толстого до Константина Симонова.

Здесь надо еще назвать Павла Антокольского и Анну Ахматову, Александра Блока и Сергея Есенина, современных поэтов, Ахмадулину прежде всего. Жаль только, что почему-то не прозвучал здесь Владимир Маяковский. Может быть, кульминация всей его лирики — «Про это», а внутри поэмы — сцена расстрела поэта мясниками. Сам Маяковский отлично знает, чем навеяна эта сцена, убийцы так и кричат ему: «Один уж такой попался — гусар...».

И еще. Читая зарубежную классику, мы с чувством какого-то облегчения узнаем отголоски родной литературы — Чехова у Шервуда Андерсона, Достоевского у Томаса Манна и так далее. А вот Джойс, самый вроде бы странный, дикий для нас дублинец... Что же, у него нет ничего, что могло бы нам объяснить его пристрастия, его вкусы? Есть! Несколько раз, и всегда с большим чувством и с тонким проникновением он вспоминает свою любимую книгу. Это — «Герой нашего времени». Ну, тогда чувствуется, мы с Джойсом поймем друг друга.

При таком масштабе пространства ассоциаций, разумеется, невозможно в часовой передаче сказать все о самом творчестве Лермонтова. Более того, это невозможно и в десятичасовой, даже и без всяких ассоциаций. Творчество гения не равно самому себе — оно становится богаче с течением времени, по мере того как растут и умнеют новые поколения. Так что исчерпать его задача все равно нереальная.

Ее и не ставит перед собой автор передачи. Ему, кажется, нужно другое. Дать нам образ этого творчества как некоей яркой точки в скрещении лучей, о которых мы говорили. Кто-то, возможно, назовет это эмоциональным литературоведением.

Кто-то сделает вид, что анализировать плазму можно и погасив ее... Но ведь любой анализ имеет в виду приблизиться к постижению удивительного, и спокойные, сдержанные слова Нагибина, содержащие как раз живой и страстный подход к судьбе поэта, передают сегодняшний характер нашего восприятия этой поэзии.

Есть здесь одна непонятная обмолвка. Герой стихотворения «Завещание», по словам Ю. Нагибина, обращается к брату... Не знаю, может быть, я не так понял? «Брат» в этом случае — дружеское солдатское обращение к чужому человеку, что-то вроде «братишки» в следующем веке. Брату, хоть и двоюродному, незачем объяснять что-либо о состоянии отца и матери героя. Умирает несомненно одинокий человек, ищущий некоего тепла у постороннего — ситуация, скажем, в пушкинской лирике невозможная...

А ВООБЩЕ о взаимоотношениях этих столь близких и столь разных поэтических миров в передаче сказано хорошо. Ю. Нагибин сторонник реальности нашей общей давней мечты о том, что два наших гения были знакомы, виделись и общались. По воспоминаниям Смирновой реконструируется и возможный отзыв старшего о младшем. Не знаю, как обстоят дело со строгим подтверждением этой версии, но именно в качестве версии она имеет право на существование. Нам, попросту очень хочется, чтобы и это совпадение произошло — раз уж столько их мелькнуло перед нами.

Конечно, здесь повествование писателя опять тяготеет к художественной прозе, к роману. Мы вступаем в мир осмысленного, организованного времени, где случайности может быть много больше, чем в действительности, но зато ни одна из них по-настоящему не случайна.

У всех этих совпадений, «романических», как сказали бы полтора века назад, есть своя отгадка, свой внятный смысл. Он, возможно, в том, что мы все живем и действуем не в пустом, абстрактном времени, что такого («физически нейтрального») времени для нас вообще нет. Действие происходит в человеческой истории, где все связано даже теснее, чем кажется, где все чьи-то друзья, родственники, потомки, предки, современники. И особенно ярко видна эта особенность времени в сверхмощных полях притяжения, которые генерируют личности такого масштаба, как Михаил Юрьевич Лермонтов.

А. АРОНОВ.